

УДК 94 (470) «1992–1999»
ББК 63.3(2)64

Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг.

А.Б. Суслов¹, Е.В. Шуйская²

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия)

²Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

Democratic Transition in Russia in the 1990s in Textbooks on Russian History

A.B. Suslov¹, E.V. Shuiskaya²

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia)

²Perm State National Research University (Perm, Russia)

В статье анализируется то, как проблематика демократического транзита представлена в современных учебниках по истории России. Актуальность исследуемой проблемы определяется в первую очередь значимостью учебников истории для конструирования политики памяти. При этом обращается внимание на недостаточное освещение в современной историографии преобразований 1990-х гг. – важного периода исторического развития. Презентация истории России в 1992–1999 гг. в учебниках анализируется в сравнении с экспертными оценками экономистов, социологов и политологов.

Авторы приходят к выводу, что о единстве трактовок проблематики постсоветского демократического транзита в учебниках для 10 класса по истории России говорить не приходится. В частности, в одном учебнике 1990-е гг. вполне соответствуют бытующему образу «лихих 90-х», в другом – это не только время больших трудностей, но и эпоха надежд и возможностей. Но эти отличия нивелируются, социально-экономическое и политическое развитие страны в это время предстает в большей степени в негативных тонах на фоне последующих 2000-х гг., которые подаются как череда успехов.

Ключевые слова: демократический транзит, учебник истории, 1990-е гг., реформы 1990-х гг., политика памяти.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-11

Учебники истории играют важную роль для формирования политики памяти. На это обращали внимание историки школы «Анналов» Марк Ферро и Жак Ле Гофф [1; 2]. На значимость учебников

The article analyzes how the problems of democratic transition are presented in modern textbooks on the history of Russia. The relevance of the problem under study is determined primarily by the importance of history textbooks for constructing a memory policy. At the same time, attention is drawn to insufficient coverage in the modern historiography of the transformations of the 1990s that is an important period of historical development. Presentation of Russian history in 1992–1999 in textbooks has been analyzed in comparison with expert evaluations of economists, sociologists and political scientists.

The authors conclude that there are different interpretations of the problems of post-Soviet democratic transition in textbooks for the 10th grade on the history of Russia. In particular, in one textbook 1990s completely correspond to the current image of the “likhie 90s” (the hard 90s). In another one it is not only a time of great difficulties, but also an era of hopes and opportunities. But these differences are leveled, when economic and political development of the country at this time is appeared mainly in negative interpretation in the frame of the subsequent 2000s, which are presented as a time of success.

Key words: democratic transition, history textbook, the 1990s, reforms of the 90s, memory politics.

для формирования исторической памяти указывают Л.П. Репина, Л.Н. Мазур, Ю.А. Сафронова, Е.Е. Вяземский, Т.П. Вязовик и другие российские ученые [3–7]. А.И. Миллер считает учебники исто-

рии центральной темой политики памяти последних лет [8, с. 49]. В частности, он уделяет довольно много внимания дискуссиям о едином учебнике истории. «При внимательном рассмотрении эпопея с подготовкой единого учебника (или, после корректировки, единого стандарта) выглядит политтехнологической операцией, действительные цели которой никогда открыто не декларируются», – пишет историк [9, с. 124].

Особое место в учебниках истории занимает проблематика демократического транзита в России. Заметим, что термин «демократический транзит» переключался из западной политологии. Он время от времени используется отечественными политологами и весьма редко историками, видимо, во многом потому, что российский транзит сложно однозначно считать демократическим, а этот термин обычно используется для обозначения перехода от тоталитаризма или авторитаризма к демократии.

Нельзя не заметить, что историки пока оставили очень мало трудов по истории переходного периода. Видимо, многих смущает близость исторической дистанции. Тем более, нет трудов обобщающего характера. Большая часть публикаций принадлежит экономистам, политологам и социологам. Тональность публикаций демонстрирует, что ученые, во всяком случае, большая их часть, не стесняются высказывать свое мнение. Большая часть их оценок расходится с оценками политического истеблишмента и прогосударственных СМИ.

К сожалению, отражение преобразований 1990-х гг. в учебниках истории редко становится предметом научного анализа. Исключением выглядит исследование Екатерины Левинтовой и Джона Баттерфилда [10]. В фокус их внимания попало более 15 наиболее популярных учебников по новейшей истории России, изданных в 1998–2008 гг., вошедших в то время в федеральные комплекты, рекомендованные Министерством образования РФ. Выводы авторов неутешительны: «В целом учебники рассматривают постперестроечный период как очень неоднозначное десятилетие, в котором были нечастые прорывы, но частые провалы». При этом преимущественно негативное отношение «авторов учебников к 90-м гг. вырисовывается только в сравнении с описанием периода президентства В.В. Путина» [10].

Рассмотрим, как в этом дискурсе выглядят современные учебники по истории России. Проблематика транзита представлена в учебниках по истории России для 10 класса. Кроме того, эта проблематика в соответствующем ракурсе представлена в учебниках всеобщей истории для 10–11 классов. Еще имеются учебники «История», где история России представлена в контексте мировой истории. Ограничимся здесь рассмотрением социально-экономического и политического развития в 1992–1999 гг., что обу-

словливает выбор учебников по истории России в качестве объекта анализа. В настоящее время для преподавания отечественной истории в 10-х классах, где изучается интересующий нас период, официально одобрены Министерством образования Российской Федерации и включены в федеральный перечень 2019 г. два учебника. Они подготовлены разными авторскими коллективами под редакцией А.В. Торкунова [11] и под редакцией С.П. Карпова [12].

Оба учебника неплохо выстроены методически: сопровождаются иллюстрациями и дополнительными материалами, имеются вопросы и задания. В них присутствуют альтернативные точки зрения. Однако, и это особенно заметно в учебнике под редакцией А.В. Торкунова, представленные материалы и мнения по спорным вопросам целенаправленно выставляют авторскую позицию в наиболее выгодном свете.

При описании социально-экономического развития в 1990-е гг. авторы учебника под редакцией А.В. Торкунова многократно делают акцент на падении уровня жизни, росте безработицы, обесценивании средств, махинациях в сфере экономики и бесконтрольной инфляции и практически не освещают роль либеральных реформ в стабилизации экономики. Хотя все же есть редкие примеры противоположного свойства: «Стремительное введение рыночных отношений помогло ликвидировать товарный дефицит и наполнить прилавки, по-прежнему недоступные для большинства населения из-за отсутствия денег» [11, с. 45]. Основной причиной «всех бед» авторы считают непоследовательность, недальновидность и несамостоятельность высшего политического руководства страны в 1990-е гг.

Характеристика деятельности В.С. Черномырдина в должности Председателя Совета Министров РФ показывает, что авторы не стесняются в навязывании учащимся собственных позиций по противоречивым вопросам: «Приход к управлению опытного хозяйственника, бывшего министра газовой промышленности, означал корректировку курса реформ [Е.Т. Гайдара]». Позитивная коннотация (опытный хозяйственник) сочетается с априорно позитивным отношением к определяющей роли государства в экономике: «Гайдар стремился ослабить роль государства в экономике. Новый глава правительства, наоборот, сделал ставку на усиление государственного регулирования» [11, с. 46]. Итоги деятельности В.С. Черномырдина оцениваются следующим образом: «Правительству Черномырдина удалось снизить темпы инфляции, обеспечить относительную стабильность цен и курса рубля» [11, с. 46]. Показательно, что в контексте изложения получается, что эта относительная стабилизация была достигнута благодаря усилению государственного

регулирувания (т.е. некому возврату к прошлому), а не благодаря фактическому продолжению либерализации экономики (курс Гайдара).

В целом, несмотря на итоговый вывод о противоречивости реформ, реформы 1990-х гг. характеризуются негативно, формируются представления об их ущербности и губительности. В частности, это делается посредством использования таких определений, как «недалновидная», «непоследовательная», «высокая социальная цена», «столь значительные потери» и т.п. Ту же задачу выполняют задания, в которых учащимся предлагается ретранслировать некоторые убеждения авторов, например, отвечая на вопрос «Какие группы российского общества и почему были ориентированы на рыночные реформы?» и т.п. [11, с. 49].

В учебнике под редакцией С.П. Карпова предлагается иная трактовка экономических реформ 1990-х гг. Экономические проблемы объясняются логикой экономических процессов, а не чьим-то злым умыслом. Радикальные преобразования признаются авторами частью плана Б.Н. Ельцина, который считал, что слом командно-административной системы невозможен с помощью госрегулирования, принял идеи Е.Т. Гайдара о необходимости положиться на самоорганизацию рынка. Приватизация предстаёт в первую очередь как реализация стремления к созданию класса собственников. Авторы учебника не демонизируют предпринимателей 1990-х гг., пишут, что «ваучеры скупали предприимчивые люди, ставшие таким образом владельцами долей в крупных предприятиях» [12, с. 118]. При этом они отмечают, что значительная часть товаров и услуг производилась в теневом секторе, что создававшиеся во время государственного строительства организованные криминальные группировки «активно пытались поставить под контроль молодой бизнес» [12, с. 118]. Причиной складывания теневого сектора в экономике авторы называют неоправданно высокие налоговые ставки. Поясняется, что под «теневым сектором» имеются в виду офшоры, вывоз капиталов и ведение «серой» или «черной» бухгалтерии.

Переход к усилению роли государства в экономике объясняется изменениями в сфере политики, а именно – связывается со смещением баланса сил политических партий после выборов 1993 г. и, в частности, ростом влияния КПРФ: «Популистское левое большинство, доминировавшее в Государственной Думе, добивалось роста пенсий и зарплат, которые не были подкреплены реальными возможностями бюджета и немедленно обесценивались в результате инфляции. Объём социальных обязательств значительно превышал размеры бюджета» [12, с. 130]. Таким образом, «усиление негативных тенденций в экономике в 1993 г.» (так называется пункт параграфа) подается как следствие отступления от либерализма, а не как следствие реализации гайдаровских реформ.

Заметим, что исследователи оценивают социально-экономические преобразования 1990-х гг. похожим образом. При различных оценках целей и последствий приватизации ученые сходятся в признании темпов приватизации чрезвычайно высокими, изменений структуры собственности кардинальными (к концу 1990-х гг. подавляющее большинство предприятий оказалось в частных руках). Сформировался институт частной собственности. Частная инициатива вызвала к жизни тысячи предприятий малого и среднего бизнеса. Появились настоящие банки. Рыночная экономика стала реальностью. Подчеркивается преимущество «гайдаровскому» курсу правительства В. Черномырдина и последующих правительств. Отмечается, что они, действуя абсолютно рыночными и «либеральными» методами, обеспечили макроэкономическую стабилизацию, подавили инфляцию, покончили с дефицитом бюджета.

Вместе с тем исследования российских ученых, вне зависимости от их взглядов, невозможно охарактеризовать как апологию действий реформаторов. Раскрываются как непоследовательность, половинчатость преобразований, так и ошибки, а также особенности субъективного умысла реформаторов, анализируются причины, обусловившие современное состояние российского общества, которое всеми оценивается критически, но с разных позиций.

Рассматривая экономические реформы, в первую очередь реформы 1992–1993 гг., многие исследователи констатируют, что сверхвысокая инфляция нанесла серьезный ущерб экономике, вызвала обнищание населения. Для большинства людей было безразлично, что инфляция вышла из-под контроля реформаторов во многом вследствие политической невозможности контролировать Центральный банк. Отсутствие адекватных объяснений действий реформаторов, считавших нецелесообразным тратить дефицитное время на объяснения, вывело общественное недовольство на критический уровень [13; 14; 15, с. 11].

Характеризуя социальную составляющую реформ, многие ученые отмечают, что Россия стала страной массовой бедности (более трети населения на пороге и ниже порога бедности), с чрезвычайно высоким разрывом уровня доходов богатых и бедных, с незначительной долей «среднего класса». В частности, по оценкам Дж. Стиглица, если в 1989 г. только 2% россиян жили в бедности, то к концу 1998 г. таких было уже 23,8% (при критерии два доллара в день). Если же взять критерий существования менее четырех долларов в день, то бедные составляли более 40% населения [16, с. 187].

Рассматривая политические преобразования 1990-х гг., авторы учебника под редакцией А.В. Торкунова обращают внимание на значимость

Конституции в связи с закреплением в ней прав человека [11, с. 51]. В описании становления в России многопартийности значительное внимание уделяется объяснениям, почему партии того или иного толка стремительно набирали или, напротив, теряли свое влияние в 1990-е гг. Так, например, высокая численность КППРФ объясняется запретом деятельности КПСС. Снижение уровня доверия и интереса к либеральным партиям в конце 1990-х гг. объясняется вполне рационально, если не брать во внимание безусловную оценку реформ как неудач [11, с. 52].

В обобщении итогов политического развития в 1990-х гг. как достижения подаются формирование с нуля новой политической системы, внедрение системы разделения властей, парламентаризма и многопартийности, создание независимой системы органов местного самоуправления. Дефицитами в политическом развитии называются «слабость и малоэффективность центральной власти, ослабление государственных институтов». Из последнего тезиса естественно, по мнению авторов, вытекает вывод о том, что «необходимы были срочные шаги по укреплению государственной власти и обеспечению государственного единства» [11, с. 54].

В одном из заданий учебника под редакцией А.В. Торкунова учащимся предлагается высказать свое отношение к следующим словам: «Если бы не было таких решительных действий Б.Н. Ельцина в 1993 г., то в результате настоящей гражданской войны погибли бы десятки тысяч людей. Но есть моменты в истории, когда необходимо прервать осуществление демократических процедур, чтобы не скомпрометировать ту же демократию в стране на много лет вперед» [11, с. 55]. Порочность такого рода аргументации обычно остается в тени, на первый план выходит эмоциональная убедительность. Это еще в большей степени подтверждает предположение, что задания составлены в качестве своеобразного обоснования, «подводки» к тезису о необходимости укрепления государственного аппарата в 2000-х гг., чему посвящены следующие параграфы учебника. Так, заявлено, что «для консолидации общества» был необходим «пересмотр всей стратегии развития страны». Приводится цитата из прощальной речи Б.Н. Ельцина 31 декабря 1999 г.: «Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми» [11, с. 76]. Далее сразу сообщается, что исполняющим обязанности главы государства стал В.В. Путин.

Раздел «Международные отношения и национальная политика в 1990-е годы» содержит ряд противоречий и умолчаний, затрудняющих восприятие. С одной стороны, вновь акцентируется тезис о постоянном обострении проблемы территориальной целостности России [11, с. 55–59]. Обосновывают

его подпараграфы «Нарастание противоречий между Центром и регионами» и «Военно-политический кризис в Чеченской республике». В первом рассказывается о стремлении некоторых регионов в 1992–1994 гг. укрепить независимость от центра с помощью присвоения ряда правомочий и введения независимых от центра институтов (прокуратура, адвокатура и т.п.), о декларировании частью регионов желаний стать независимыми. Это явным образом противоречит не только приведенной в учебнике информации о решении проблем построения федеративного государства с помощью заключения Федеративного договора, принятия Конституции 1993 г., заключения договоров с рядом регионов, но и выводу авторов, что «в 1990-е гг. удалось укрепить Российскую Федерацию, сохранить ее целостность, утвердить новые принципы федеративного устройства страны» [11, с. 59]. Последнее как раз соответствует реалиям развития Российской Федерации во второй половине 90-х гг., о которых авторы не посчитали нужным сообщить. Причины, ход и итоги Первой чеченской войны изложены невнятно. В частности, непонятно как удачное (в контексте изложения) заключение хасавюртовских соглашений 1996 г. вело к обострению вопроса о территориальной целостности страны.

Авторы учебника под редакцией С.П. Карпова, рассматривая приблизительно те же сюжеты, стараются сохранить беспристрастность в изложении, идет ли речь о политическом кризисе 1992–1993 гг. или о иных событиях. Реформы второго президентского срока Б.Н. Ельцина авторы называют «вторым туром либеральных реформ», сообщая при этом, что они сопровождались информационными войнами между их защитниками и противниками. Объяснение выбора Б.Н. Ельциным в качестве своего преемника В.В. Путина дается подчеркнуто объективистски: «Россияне увидели в нём человека, способного морально объединить нацию, дать надежду на восстановление порядка и стабильности» [12, с. 150]. Возможно, это максимальный уровень смелости, который мог себе позволить авторский коллектив.

У ученых нет существенных разногласий в общей оценке результатов развития демократических институтов: парламентаризма, разделения властей, независимости суда и т.п. «Демократическая система оказалась обремененной контролем над средствами информации денежных мешков, попытками представительной и исполнительной властей вместо налаживания сложной системы взаимодействия утвердить свое полномасштабное всевластие в старом советском духе», – заявляет Г.Х. Попов [17, с. 15]. Экономист С.В. Алексахенко, не находя существенных ошибок в реформировании экономики, главными упущениями реформаторов называет невнимание к политическим реформам, к формированию сильной либеральной партии, к рефор-

мам правоохранительных органов. Назначением же преемника Ельцин, по его мнению, «перечеркнул все республиканские основы... у нас сегодня в стране ... существует абсолютная монархия... где один человек решает все» [18]. «Судьбу судебной реформы в Российской Федерации следует признать одной из наиболее печальных, – констатируют эксперты Высшей школы экономики, – мы и по сей день не имеем независимой судебной власти, которая вызвала бы доверие бизнеса и населения» [19, с. 26].

Ряд ученых усматривают в числе главных причин неудач недостаточное внимание реформаторов к выращиванию демократических институтов. По мнению экспертов Высшей школы экономики, результатом стала «мутация, вырождение институтов, когда под тем же названием, что в развитых странах, и при сохранении схожего «внешнего вида» у нас функционируют иные институциональные образования, предназначенные для достижения совсем иных целей» [19, с. 50]. О том же пишет политолог А.А. Курбет: ««Традиционные», т. е. заинтересован-

ные в авторитарных практиках, акторы вопреки всем институциональным реформам в своей повседневной деятельности воспроизводят «традиционные институты», а те, будучи глубоко укоренены в общественном сознании на уровне привычек или даже ценностей, в свою очередь, обеспечивают устойчивую защиту этих акторов» [20, с. 213].

Таким образом, в учебниках для 10 класса по истории России проблематика постсоветского демократического транзита представлена по-разному, о единстве трактовок говорить не приходится. В частности, в одном учебнике 1990-е гг. вполне соответствуют бытующему в обществе образу «лихих 90-х», в другом – это не только время больших трудностей, но и эпоха надежд и возможностей. Но эти отличия нивелируются, социально-экономическое и политическое развитие страны в это время предстает в большей степени в негативных тонах на фоне последующих 2000-х гг., которые подаются как череда успехов. Последнее заслуживает отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
2. Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013.
3. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012.
4. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3.
5. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.
6. Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. №6.
7. Вязовик Т.П. Версия прошлого как государственный миф (к вопросу написания единого учебника отечественной истории) // Символическая политика. Вып. 2. М., 2014.
8. Миллер А.И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. 2014. № 4.
9. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. № 4.
10. Баттерфилд Д., Левинтова Е. Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории. URL: <https://polit.ru/article/2010/03/11/uchebniki> (дата обращения: 11.09.2019).
11. История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций : в 3 ч. / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М., 2016. Ч. 3
12. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни : в 2 ч. Ч. 2: 1945–2016 / В.А. Никонов, С.В. Девятов ; под науч. ред. С.П. Карпова. М., 2019.
13. Сайфиева С.Н. Особенности российской инфляции: исторический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6. Махачкала, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rossiyskoy-inflyatsii-istoricheskiy-aspekt.pdf> (дата обращения: 11.08.2019).
14. Гуриев С. 20 лет Владимира Путина: трансформация экономики // Ведомости. 2019. 9 авг.
15. Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М., 2013.
16. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
17. Попов Г.Х. Размышления о Будущем. М., 2016.
18. Сергей Алексашенко: «У нас сегодня в стране абсолютная монархия». URL: <https://www.svoboda.org/a/27342743.html> (дата обращения: 11.08.2019).
19. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М., 2005.
20. Курбет А.А. Публичная политика в современной России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. №1.